

Содержание

А. АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

I. Введение	3
II. Техника остроумия	13
III. Устремления остроумия	113

Б. СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

IV. Механизм удовольствия и психогенез остроумия	151
V. Мотивы остроумия. Остроумие как социальный процесс	181

В. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

VI. Отношение остроумия к сновидению и к бессознательному	207
VII. Остроумие и виды комического	237

ПРИЛОЖЕНИЕ

Загадки Ф. Brentano	313
XXIV	313
XXVIII	314
Литература	315

А. АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

I ВВЕДЕНИЕ

Всякий, кому доводилось когда-либо искать в эстетической и психологической литературе объяснение сущности остроумия и его отношений с другими видами душевной деятельности, должен признать, что философские изыскания не коснулись остроумия в той мере, какой оно заслуживает из-за своего положения в жизни нашей души. Только отдельные мыслители подробно интересовались проблемами остроумия — среди них, впрочем, встречается ряд блестящих имен: это романист Жан-Поль (Рихтер), философы Теодор Фишер, Куно Фишер и Теодор Липпс. Правда, и они размышляют об остроумии как бы вскользь, а главный интерес их исследований сосредоточен на более широкой и более заманчивой теме комического.

При изучении указанной литературы складывается впечатление, будто совершенно невозможно трактовать остроумие вне его связи с комическим.

По Т. Липпсу (1898)¹, остроумие есть «нечто комическое, причем сугубо субъективное»; то есть это

---

¹ Эта книга показала мне самую возможность исследования и сподвигла меня предпринять практическую его попытку. — *Примеч. авт.* См. библиографию. — *Примеч. ред.*

комическое, «которое мы сами производим, которое дополняет наше поведение как таковое, к которому мы всегда относимся как его субъект, но никогда как его объект, пусть даже добровольный объект». Это положение разъясняется далее: мол, остроумием называется вообще «всякое сознательное и успешное порождение комического, будь то из созерцания или из ситуации».

К. Фишер (1889) показывает отношение остроумия к комическому с помощью карикатур, которые в его изложении занимают промежуточное положение между остроумием и комизмом. Комическое обращается к безобразному в одной из форм проявления последнего: «Там, где оно [безобразное] скрыто, его следует выявить и представить в свете комического созерцания. Где оно едва замечается, его необходимо осветить и так подчеркнуть, чтобы оно стало ясным и очевидным... Так возникает карикатура». «Весь наш духовный мир — интеллектуальное царство наших мыслей и представлений — отнюдь не обнажается под внешним взглядом. Его нельзя вообразить непосредственно и наглядно. Однако он обладает различными ограничениями, недостатками и уродствами, которые в совокупности своей составляют обилие нелепых и комических противопоставлений. Чтобы выпятить их и сделать доступными эстетическому созерцанию, требуется сила, которая будет в состоянии не просто вообразать объекты непосредственно, но и сама сможет судить об этих образах фантазии и объяснять их, — то есть сила, проясняющая мысли. Такой силой может считаться лишь суждение. Остроумие есть суждение, производящее комическое противоречие. Оно незримо присутствует

в карикатуре, а в суждении приобретает свою особую форму и свободное поприще для развития».

Как мы видим, Липпс усматривает характерный признак остроумия среди всего комического в активном поведении субъекта, тогда как Фишер опирается на отношение остроумия к своему объекту и считает, что оно должно выявлять скрытое уродство царства мыслей. Обоснованность этих утверждений не может быть проверена; более того, их вряд ли можно признать внятными вне той взаимозависимости, из которой они как будто извлечены. Поэтому необходимо разобрать представления о комическом у этих авторов, прежде чем что-либо прояснится по поводу остроумия. Между тем из других отрывков следует, что указанные авторы сумели обнаружить и описать существенные и общераспространенные признаки остроумия, совершенно пренебрегая его связью с комическим.

Характеристика остроумия, которая, похоже, вполне удовлетворяла К. Фишера, гласит: «Остроумие есть игривое суждение». Для пояснения этого выражения приводится аналогия: «Подобно тому как эстетическая свобода заключается в праве на игривое созерцание мира». В другом месте эстетическое отношение к объекту характеризуется условием, что мы-де от этого объекта ничего не требуем; нам не нужно удовлетворение наших главных потребностей, мы просто довольствуемся наслаждением при созерцании. Эстетическому отношению позволено быть игривым в противоположность труду: «Могло случиться и так, что из эстетической свободы возник особый вид суждения, избавленный от обыденных оков и правил; этот вид суждения я, ввиду его проис-

хождения, хочу назвать «игривым». В этом понятии содержится первое условие, если не целиком вся формула, разрешающая нашу задачу. Жан-Поль говорил: «Свобода дает остроумие, а остроумие дает свободу. Остроумие — всего лишь забава с идеями»¹.

Издавна принято определять остроумие как ловкое умение находить сходство между несходным, то есть выявлять скрытые сходства. Жан-Поль выразил эту мысль следующим образом: «Остроумие... переодетый священник, сочетающий каждую пару брачными узами»². Т. Фишер (1846–1857) продолжает: «Охотнее всего венчает он ту пару, на единение которой родственники взирают хмуро». При этом сам Фишер указывает, что существуют остроуты, в которых нет и речи о сравнении, а потому и о нахождении сходства. Тем самым он дает несколько отличное от определения Жан-Поля определение остроумия как умения с поразительной быстротой связывать в одно целое несколько представлений, фактически чуждых друг другу по своему внутреннему содержанию и по общему положению в мыслях. Фишер подчеркивает, что во множестве остроумных суждений отыскиваются не сходства, а различия; Липпс же обращает внимание на то, что эти наблюдения относятся к навыку остроумца, а не к шуткам, которые тот создает.

Кроме того, встречаются иные, в некотором смысле связанные друг с другом точки зрения, кото-

---

¹ Автор несколько перефразирует; Жан-Поль в работе «Приготовительная школа эстетики» утверждал: «Свобода дает остроумие (и вместе с ним — равенство), остроумие — свободу... Желает остроумие только себя и играет ради игры» (здесь и далее перевод А. Михайлова. — *Ред.*). — *Примеч. пер.*

² Там же. — *Примеч. ред.*

рыми пользуются для описания остроумия: говорят о «противопоставлении мнений», о «смысле в бессмыслице», о «смущении из-за непонимания и внезапном осознании».

Скажем, определение Крепелина (1885) отражает именно важность противопоставления мнений. Острота есть «произвольное сочетание или соединение двух противоположных друг другу представлений, обыкновенно посредством речевой ассоциации». Такому критику, как Липпс, нетрудно раскрыть полную несостоятельность этой формулы, но и он не исключает противопоставления — просто передвигает его на другое место. «Противопоставление сохраняется, но дело вовсе не в различии понятийных представлений, описываемых словами, а в противоречии между значимостью или бессмысленностью слов». Примеры проясняют, как надлежит понимать это замечание: «Противопоставление возникает оттого, что... мы придаем словам значение, которое сами не можем признать за ними».

При дальнейшем развитии этого определения приобретает важность противопоставление «смысла и бессмыслицы»: «Кажется, будто нечто является осмысленным, но далее оно оказывается для нас совершенно бессмысленным. В этом и заключается в настоящем случае подлинный комизм... Остроумным какое-либо замечание воспринимается тогда, когда мы по психологической необходимости приписываем ему определенное значение — и тотчас его отрицаем. При этом под значением подразумеваются разные понятия. Мы приписываем выражению смысл, но сознаем, что логически тот ему не подходит. Мы находим в выражении истину, кото-

рую, по законам опыта или общего навыка нашего мышления, не можем и не должны найти. Мы признаем за ним логические и практические следствия, выходящие за пределы фактического содержания, чтобы тотчас же отрицать эти следствия, едва принимается во внимание природа самого выражения. Так или иначе, психологический процесс, создаваемый в уме остроумным выражением и лежащий в основе чувства комического, заключается в прямом переходе от признания смысла, выявления истины или от воображения последствий к осознанию или ощущению относительной ничтожности смысла».

Обсуждение выше, безусловно, многое проясняет, однако желательно все-таки задаться вопросом, способствует ли противопоставление смысла и бессмыслицы, на которой якобы покоится чувство комического, определению понятия остроумия как чего-то, отличного от комизма?

Фактор «непонимания и внезапного уяснения» тоже заводит нас глубоко в проблему отношения остроумия к комизму. Кант рассуждал о комическом вообще — дескать, замечательная особенность его заключается в том, что оно «косвенно вызывает на мгновение живую радость»¹. Хейманс (1896) показывает, как шутка воздействует на человека посредством непонимания, которое сменяется внезапным уяснением. Он подкрепляет свое изложение прекрасной остротой Гейне: тот заставляет одного из своих героев, бедного лотерейного маклера Гирша-Гиацинта²,

---

¹ «Критика способности суждения» (1, 54), перевод М. Левиной. — *Примеч. ред.*

² См. «Луккские воды», здесь и далее перевод В. Зоргенфрея. — *Примеч. ред.*

хвастаться, будто великий барон Ротшильд обходится с ним как с человеком, вполне равным по положению, — вполне «фамилионерно» (famillionär). Здесь слово, передающее шутку, кажется сначала ошибкой словообразования, чем-то непонятным, несуразным, загадочным. Поэтому оно ввергает нас в смятение. Комизм производится устранением смятения по итогу понимания слова. Липпс дополняет, что за этой первой стадией прояснения, когда мы узнаем, что смущающее нас слово означает то-то или то-то, следует вторая стадия, когда возникает осознание того, что это бессмысленное слово поначалу нас смутило, а затем предъявило свой истинный смысл. Лишь это второе уяснение, лишь осознание того, что причиной недоразумения стало слово, бессмысленное с точки зрения обыденной речи, лишь превращение нелепицы в ничто, — если коротко, лишь оно и вызывает комическое ощущение.

Вне зависимости от того, кажется ли нам более понятной та или другая из приведенных трактовок, мы с помощью рассуждений о непонимании и внезапном уяснении приближаемся к составлению определенного мнения. Если комичность гейневского «фамилионерно» опирается на разгадку якобы бессмысленного слова, то остроумие следует, конечно, сводить к процессу образования этого слова и к его признакам.

Другая существенная особенность остроумия, никак не связанная с обсуждавшейся выше, тоже отмечается всеми авторами. «Краткость — плоть и душа остроумия, даже само остроумие», — говорит Жан-Поль (ук. соч.), видоизменяя таким обра-

зом фразу старого болтуна Полония из шекспировского «Гамлета» (действие 2-е, сцена II):

И так как краткость есть душа ума,
А многословье — бранные прикрасы,
Я буду краток¹.

Важно и описание краткости остроумия у Липпса: «Острота сообщает ровно то, что сообщает, — не всегда в нескольких словах, но всегда немногими словами, то есть тем количеством слов, какого, согласно строгой логике или обычному образу мышления и речи, всегда недостаточно. Она может даже сообщить что-то, умалчивая об этом».

Мы уже узнали из связи шуток с карикатурами, что шутки «должны выхватывать нечто спрятанное или скрытое» (К. Фишер). Я подчеркиваю еще раз это определение, так как оно тоже больше относится к сущности остроумия, чем к сущности комизма.

Разумеется, эти скудные выдержки из работ авторов, писавших об остроумии, не позволяют судить о значимости указанных сочинений. При всем моем желании верно передать ход мыслей, столь извилистый и отягощенный мелочами, довольно затруднительно, а потому не стану избавлять любознательных читателей от стремления почерпнуть желательные для них познания из первоисточников. Но я не уверен в том, что эти читатели смогут обрести полное удовлетворение. Указанные авторами признаки и особенности остроумия — деятельное отношение к содержанию нашего мышления, игривость суждений, сочетание несходного, противопоставление мнений, «смысл

---

¹ Перевод М. Лозинского. — *Примеч. ред.*

в бессмыслице», смена непонимания внезапным уяснением, выявление скрытого смысла и особая краткость шуток — все кажутся на первый взгляд наблюдениями настолько меткими и столь легко подтверждаются целым рядом примеров, что мы ничуть не подвергаемся опасности умалить ценность этих взглядов. Однако перед нами *disjecta membra*¹, которые мы хотели бы видеть объединенными в одно органическое целое. Они приводят к познанию остроумия не более, чем ряд анекдотов о личности, биографию которой мы жаждем узнать. В результате мы совсем не понимаем предполагаемой связи между отдельными явлениями — скажем, между краткостью остроумных замечаний и игривостью суждений. Мы нуждаемся в разъяснениях по поводу того, должно ли остроумие удовлетворять всем поставленным условиям, чтобы считаться остроумием, или только некоторым из них; если второе, то какие из этих условий могут быть заменены другими, а какие насущно необходимы. Еще хотелось бы произвести группировку и классификацию острот, основываясь на их особенностях, признанных существенными. Та классификация, которую мы находим в литературе, опирается, с одной стороны, на технические приемы (игра слов и т. д.), а с другой стороны — на употребление острот в речи (шутки в качестве карикатур, обрисовка характеров, остроумные ответы и т. п.).

Следовательно, нам нетрудно будет обозначить цели дальнейших исследований по объяснению остроумия. Чтобы рассчитывать на успех, мы должны либо внести в эту работу новые точки зрения, либо

---

¹ Разделение на составляющие (лат.). — Примеч. ред.

попытаться проникнуть глубже, усилив наше внимание и углубив интерес. Мы можем утверждать, что в последнем, по крайней мере, недостатка не ощущается. Поистине поразительно, сколь немногочисленными примерами признанных острот довольствуются авторы для своих исследований (более того, каждый из них заимствует те же самые остроты у своих предшественников). Мы также не можем отказаться от необходимости проанализировать те же примеры, которые уже приводились классическими авторами, писавшими об остроумии. Но мы намерены, кроме того, заняться изучением новых материалов, чтобы подкрепить наши выводы более вескими основаниями. Вполне естественно поэтому привлечь в качестве объектов нашего исследования такие примеры остроумия, которые в жизни произвели на нас самих наибольшее впечатление и заставили много смеяться.

Заслуживает ли тема остроумия столь пристального внимания? На мой взгляд, ответ на этот вопрос не подлежит сомнению. Помимо личных мотивов, которые побуждают меня обратиться к загадкам остроумия и о которых будет сказано далее, я могу сослаться на наличие тесной связи между душевными событиями; этот факт придает ценность психологическому познанию даже в какой-нибудь отдаленной области, ибо оно способно обрести нечто ценное и в других областях. Нужно помнить и о том, какое своеобразное очарование вносит остроумие в наше общество. Новая шутка во многом почти сродни событию, к которому проявляют широкий интерес: она передается из уст в уста, словно весть о только что одержанной победе. Даже люди с положением, которые считают нужным сообщать свою биогра-